

Кожа, которая ПОМНИТ

ДЕРЕВНЯ ИВОВОЙ ТЕНИ

Юки

Кожа, которая помнит

«Автор»

2026

Юки

Кожа, которая помнит / Юки — «Автор», 2026

В Ивовой Тени, где тишина хранит больше, чем говорит, шестнадцатилетняя Рин внезапно сталкивается с тайной, которую её семья скрывала многие годы. Загадочные знаки на её коже и запертая комната в родном доме открывают путь к правде о древней силе, связанной с её кровью. Чем глубже Рин погружается в прошлое, тем яснее становится: её судьба не случайна. И теперь ей предстоит решить, готова ли она принять наследие, способное изменить не только её жизнь, но и весь мир вокруг.

Содержание

Глава 1	5
Ритм повседневности	5
Глава 2	6
Шепот старых вещей	6
Глава 3	7
Звуки за стеной	7
Глава 4	8
Осколки тишины	8
Глава 5	10
Тяжелое наследие	10
Глава 6	11
Граница миров	11
Глава 7	13
Тропа между мирами	13
Глава 8	14
Пробуждение эха	14
Глава 9	16
Весы бытия	16
Глава 10	18
Симфония разрыва	18

Юки

Кожа, которая помнит

Глава 1

Ритм повседневности

Деревня Ивовой Тени жила по своим, неспешным законам. Здесь жизнь измерялась не часами, а сменой сезонов и тем, как высоко поднялось солнце над горным хребтом. Рин знала каждый уголок этого места: от старой бамбуковой рощи до тропинки, ведущей к реке. Её жизнь была предсказуемой и размеренной, как дыхание спящего человека.

Каждое утро начиналось одинаково. Рин помогала отцу, Такеши, перебирать сушеные травы в их небольшой лавке. Отец был человеком немногословным, он предпочитал общение с корнями и ступкой, а не с людьми. Мать, Хана, была мягкой, но в её движениях всегда чувствовалась какая-то осторожность, словно она боялась ненароком задеть что-то невидимое.

Рин росла в этой тишине. Она никогда не чувствовала себя «другой» в плохом смысле — скорее, она ощущала себя частью этого спокойствия. Но в последние месяцы, когда ей исполнилось шестнадцать, эта привычная картина начала казаться ей немного... неполной.

Всё началось с мелочей. Рин стала замечать, что её кожа реагирует на перемены погоды иначе, чем у других. Когда в горах собиралась гроза, на её левом плече возникало легкое, почти приятное тепло. Она не придавала этому значения, считая это особенностью организма, как веснушки или цвет глаз. Она просто привыкла потирать это место, когда становилось слишком душно.

Однажды, помогая отцу в лавке, она случайно разбила тяжелую керамическую ступку. Она испугалась, что осколки поранят её, но когда один из них полоснул по ладони, Рин даже не вскрикнула. Кровь не потекла. На месте пореза осталась лишь тонкая, быстро бледнеющая полоска, которая исчезла через несколько минут, словно её и не было. Рин тогда просто вытерла ладонь о фартук, решив, что кожа у неё «очень грубая» от работы в лесу. Отец, стоявший рядом, на мгновение замер, его рука с пестиком зависла в воздухе, но он не сказал ни слова. Лишь на мгновение в его глазах промелькнуло что-то похожее на усталость.

Вечерами, когда работа заканчивалась, Рин любила сидеть на крыльце и смотреть, как туман медленно заполняет долину. Она не искала ответов, она просто наблюдала. Она видела, как родители переглядываются, когда она входит в комнату, как они замолкают, если она подходит слишком близко к их личным вещам. Это не вызывало у неё страха или желания немедленно докопаться до истины. Это было просто фоновое ощущение — как будто в книге, которую она читает каждый день, вдруг начали появляться страницы, написанные на языке, который она пока не понимала.

Рин была довольна своей жизнью. Она любила своих родителей и свою деревню. Но иногда, глядя на горы, она ловила себя на мысли, что её мир — это не всё, что существует. И это чувство не было пугающим. Оно было просто тихим вопросом, который она пока не решалась задать вслух.

Глава 2

Шепот старых вещей

Дни в Ивовой Тени текли по-прежнему размеренно. Рин продолжала помогать в лавке, и её жизнь казалась такой же прозрачной, как горный ручей. Однако, чем больше она присматривалась к привычным вещам, тем чаще ловила себя на мысли, что дом хранит гораздо больше тайн, чем она предполагала.

В их доме была комната, куда родителям вход был открыт, а ей — нет. Не то чтобы они запрещали туда заходить, просто дверь всегда была прикрыта, а в воздухе вокруг неё словно висела невидимая завеса, отбивающая всякое желание любопытствовать. Но в тот день, когда Такеши и Хана ушли в соседнее селение за редкими семенами, Рин осталась одна.

Она занималась уборкой в гостиной, когда её внимание привлекло странное движение воздуха — сквозняк приоткрыл дверь той самой комнаты. Рин замерла. Внутри было прохладно и пахло не травами, а старой бумагой и чем-то металлическим, напоминающим запах озона перед сильной грозой.

Она вошла внутрь. Комната была пуста, если не считать массивного сундука из темного дерева, стоящего в углу. Рин подошла ближе. На крышке сундука не было замка, лишь вырезанный в дереве узор — тот самый, что она видела на своем плече в зеркале: переплетенные линии, напоминающие крылья. Она не собиралась открывать его, просто коснулась пальцами резьбы.

В тот же миг дерево под её кожей отозвалось едва слышным гулом. Это не было магией или чудом — скорее, походило на вибрацию струны, которую кто-то задел. Рин отдернула руку, чувствуя, как в груди разливается странное тепло.

В этот момент снаружи послышались шаги. Родители вернулись раньше, чем она ожидала. Рин поспешно вышла из комнаты, прикрыв дверь, и занялась привычными делами. Когда Такеши вошел в дом, он на мгновение остановился, принюхался к воздуху, и его взгляд, обычно добрый и спокойный, стал острым, как лезвие ножа. Он посмотрел на дверь комнаты, затем на Рин.

— Ты сегодня долго работала, — сказал он, и в его голосе Рин уловила нотку, которую никогда раньше не слышала: это была не строгость, а какая-то глубокая, почти болезненная забота.

— Да, отец, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Просто решила навести порядок.

Такеши медленно кивнул. Он не стал спрашивать, заходила ли она в ту комнату. Он просто подошел к ней и, впервые за долгое время, положил тяжелую ладонь на её плечо — именно на то место, где под одеждой скрывалось родимое пятно.

— Рин, — тихо произнес он. — Иногда вещи, которые кажутся нам обычными, хранят память о временах, когда мир был другим. Не пытайся разбудить то, что должно спать. По крайней мере, пока ты не будешь к этому готова.

Он ушел, оставив Рин стоять посреди комнаты. Она смотрела на свои руки и понимала: её родители не просто скрывали тайну. Они пытались удержать её в безопасности, защищая от чего-то, что было старше и сильнее их самих.

Это было первое осознанное столкновение с тем, что её жизнь — не просто череда дней, а часть чего-то, что она пока не могла осознать.

Глава 3

Звуки за стеной

После того разговора с отцом в доме воцарилась тишина, ставшая почти осязаемой. Такеши стал еще молчаливее, а мать, Хана, начала избегать прямого взгляда Рин. Она всё чаще задерживалась у окна, глядя на дорогу, ведущую к деревне, словно ожидая кого-то, чей приход не сулил ничего хорошего.

Рин старалась вести себя как обычно. Она продолжала собирать травы, перетирать корни и следить за огнем в печи. Но теперь, когда она оставалась одна, она прислушивалась. Ей казалось, что дом «дышит» вместе с ней. Иногда, по ночам, из той самой комнаты, где стоял сундук, доносились звуки: не скрип половиц и не шум ветра, а ритмичный, едва уловимый стук, похожий на биение сердца. Рин убеждала себя, что это просто старые балки дома остывают после жаркого дня, но внутри неё росло странное знание: это не дерево. Это что-то живое.

Однажды днем в деревню пришел странник. Это был не торговец и не путник, ищущий ночлега. Высокий, худощавый человек в сером дорожном плаще, он остановился прямо напротив их лавки. Он не зашел внутрь, а просто стоял, глядя на вывеску, словно читал на ней то, чего не видели другие.

Рин в это время расставляла сушеные пучки полыни на прилавке. Она почувствовала, как на плече снова разлилось тепло — на этот раз резкое, жгучее, как будто к коже приложили раскаленный уголь. Она вскрикнула и невольно схватилась за плечо.

Странник вздрогнул. Он медленно повернул голову и посмотрел прямо в окно, прямо на Рин. Его глаза, глубоко посаженные и темные, казались бездонными колодцами. В них не было угрозы, лишь холодное, отстраненное любопытство. Он слегка поклонился — не ей, а чему-то, что находилось за её спиной, — и так же бесшумно ушел прочь, растворившись в вечернем тумане.

Когда Рин вышла на крыльцо, чтобы посмотреть, куда он направился, улицы были пусты. Но на пыльной земле, прямо там, где стоял странник, остался странный след: трава в этом месте была примята не сапогами, а словно её опалило огнем, выжженным по кругу.

Вечером, когда Рин помогала матери накрывать на стол, она решила. — Мам, — тихо начала она, не глядя в глаза. — Сегодня у лавки стоял человек. Он... он смотрел на меня так, будто знал, кто я.

Хана уронила деревянную ложку. Та с глухим стуком ударилась об пол, но мать не подняла её. Она медленно обернулась к Рин, и та с ужасом увидела, как в глазах матери отразился неподдельный, ледяной страх.

— Ты не должна была смотреть на него, Рин, — прошептала Хана, и её голос дрожал. — Мы обещали, что ты никогда не узнаешь, как выглядят те, кто ищет нас. Мы обещали, что ты останешься просто дочерью травника... пока это возможно.

Отец, сидевший в углу комнаты, резко встал. Его лицо было бледным, как полотно. — Хана, хватит, — отрезал он. — Мы не можем держать её в неведении вечно. Но и говорить сейчас — значит подписать ей смертный приговор.

Рин замерла, чувствуя, как мир, который она считала безопасным, окончательно рассыпается. Она поняла: странник был не первым, кто приходил, и, судя по выражению лиц родителей, далеко не последним.

Глава 4

Осколки тишины

После того вечера в доме воцарилась гнетущая атмосфера. Родители не стали продолжать разговор, но их поведение изменилось: они перестали оставлять Рин одну даже на короткое время. Отец теперь всегда был где-то рядом — в саду, в лавке или во дворе, — а мать стала постоянно что-то напевать себе под нос, словно пытаясь заглушить тишину, которая теперь казалась им обоим угрожающей.

Рин молчала. Она видела, как они стараются вести себя как прежде, но их движения стали нервными, дергаными. Она больше не спрашивала о страннике, но начала замечать то, чего раньше не видела. Например, отец стал заколачивать ставни на окнах, выходящих в сторону леса, задолго до заката. А мать начала расставлять по углам дома чаши с солью и сухими цветами, которые, как говорили в деревне, отпугивают ночных духов.

Рин понимала: они готовятся к чему-то, чего она пока не видела, но уже чувствовала каждой клеточкой кожи.

На третий день после визита странника Рин отправилась к ручью. Ей нужно было хоть немного побыть в одиночестве, чтобы привести мысли в порядок. Лес был непривычно тихим. Птицы не пели, а насекомые замолкли, как только она отошла от дома на достаточное расстояние.

Она села на привычный камень и посмотрела на свои руки. На левом плече, под тканью платья, снова пульсировало тепло. Рин осторожно расшнуровала воротник и спустила край ткани. На коже, там, где раньше было лишь бледное пятно, теперь проступал едва заметный рисунок. Это не было татуировкой — линии казались частью её плоти, словно они просвечивали изнутри, как вены. Они складывались в сложный узор, напоминающий сплетение корней или языки пламени.

— Ты ведь тоже это видишь, да? — прошептала она в пустоту леса.

Ответа не последовало, но в этот момент ветер донес до неё странный запах — запах гари и мокрой шерсти. Рин резко обернулась. На другом берегу ручья, среди густого папоротника, она увидела движение. Это было не животное. Что-то высокое, тонкое, окутанное лохмотьями, которые сливались с цветом коры деревьев, стояло там, не шевелясь. Оно не имело четких очертаний, словно было собрано из теней и дыма.

Рин не закричала. Внутри неё вдруг стало удивительно холодно. Она поняла, что это существо не нападает — оно ждет. Оно ждет, когда она сама сделает шаг навстречу или когда её родители совершат ошибку.

Она медленно поднялась, не сводя глаз с тени, и начала отступать к деревне. Существо не последовало за ней. Оно просто растворилось в сумерках, оставив после себя лишь ощущение чужого взгляда, который теперь навсегда поселился в её сознании.

Вернувшись домой, Рин увидела, что отец стоит на пороге с топором в руках. Он смотрел не на дорогу, а в самую чащу леса. Его лицо было серым от усталости.

— Ты видела его, — это был не вопрос, а утверждение. Отец опустил топор и тяжело вздохнул. — Значит, время вышло. Они начали подходить ближе.

Рин подошла к нему и, впервые в жизни, взяла его за руку. Его ладонь была ледяной.

— Отец, — сказала она, глядя прямо ему в глаза. — Скажи мне, кто я. И почему они приходят именно за мной?

Отец посмотрел на неё, и в его глазах Рин увидела не страх, а глубокую, бесконечную печаль, с которой он жил все эти шестнадцать лет.

— Ты не «кто», Рин, — тихо ответил он. — Ты — «откуда». И это то, что они никогда не простят.

Глава 5

Тяжелое наследие

Слова отца повисли в воздухе, тяжелые и неповоротливые, как камни на дне колодца. «Ты — откуда». Рин повторяла эту фразу про себя, пытаясь найти в ней хоть какой-то смысл, но она лишь вызывала новые вопросы.

Отец не стал продолжать. Он просто развернулся и вошел в дом, жестом приказав ей следовать за ним. Внутри было душно от трав, которые мать развесила по всем углам. Хана стояла у очага, её руки дрожали, когда она помешивала похлебку.

— Она видела его, Такеши, — сказала мать, не оборачиваясь. — Я знаю, — ответил отец, опускаясь на низкую скамью. Он выглядел постаревшим на десять лет. — Значит, печать больше не держит. Мы не успели.

Рин села напротив них. Она чувствовала, как тепло на её плече сменилось пульсирующей болью, но это была не та боль, от которой хочется плакать. Это было ощущение пробуждения чего-то, что слишком долго находилось в спячке.

— Вы говорите загадками, — голос Рин прозвучал тверже, чем она ожидала. — Вы всегда говорили, что я особенная, чтобы защитить меня от зависти соседей. Но тот, в лесу... он не был человеком. И он пришел не из-за моей «крови», как вы говорили раньше. Он пришел за чем-то, что во мне спрятано.

Отец поднял на неё взгляд. Впервые за все годы Рин увидела в его глазах не опеку, а признание. Он видел перед собой не маленькую девочку, а ту, кем она была на самом деле.

— Мы нашли тебя в ночь великого звездопада, — начала Хана, подходя к столу и опускаясь на колени рядом с дочерью. Её голос был едва слышным шепотом. — Деревня тогда горела от жара, а небо было багровым. Ты лежала в колыбели из переплетенных ветвей ивы, и вокруг тебя воздух дрожал точно так же, как ты описывала это у ручья. Мы не знали, кто твои родители. Мы лишь поняли, что ты — не из нашего мира. Или, по крайней мере, не совсем из него.

Рин коснулась своего плеча. Рисунок под кожей стал горячим, почти обжигающим.

— Почему вы не оставили меня? — спросила она, чувствуя, как в горле встал ком. — Если это было так опасно, если вы знали, что за мной придут...

— Потому что ты была ребенком, — перебил её Такеши. В его голосе прорезалась сталь. — И потому что в ту ночь мы поняли: если бы мы оставили тебя там, в лесу, ты бы не выжила. Мы дали тебе имя, мы дали тебе дом, мы дали тебе человеческую жизнь. Мы надеялись, что если ты вырастешь среди людей, если ты будешь жить, как все, твоя истинная природа уснет навсегда. Мы думали, что сможем обмануть само время.

Рин посмотрела на свои руки. В полумраке комнаты ей показалось, что кожа на её ладонях на мгновение стала полупрозрачной, словно внутри неё текла не кровь, а жидкий свет.

— Вы не обманули время, — тихо сказала она. — Вы просто отложили неизбежное.

В этот момент снаружи, за стенами дома, раздался звук. Это не был вой ветра или крик ночной птицы. Это был протяжный, низкий гул, от которого задрезбжала посуда на полках и погасли все свечи в комнате. Дом Ивовой Тени, который всегда казался крепостью, вдруг показался Рин невероятно хрупким.

Отец схватил топор, мать прижала руки к груди. Рин поняла: то, что было «снаружи», больше не намерено ждать.

Глава 6

Граница миров

Гул за стенами стих так же внезапно, как и начался, оставив после себя оглушительную тишину. В этой тишине Рин отчетливо слышала, как бьется её собственное сердце — непривычно медленно, словно оно отсчитывало секунды до чего-то неизбежного.

Отец не выпускал топор из рук, его костяшки побелели от напряжения. Он подошел к окну и приоткрыл ставню лишь на крошечную щель. — Они не вошли, — прошептал он, и в его голосе прозвучало странное облегчение, смешанное с ужасом. — Они ждут, пока ты сама выйдешь. Они чувствуют, что печать, которую мы наложили в детстве, треснула.

Рин поднялась. Она чувствовала себя странно легкой, будто гравитация в доме перестала на неё действовать. Тепло на плече превратилось в ровное, спокойное свечение, которое пробивалось сквозь ткань платья мягким золотистым ореолом. Она подошла к двери, но мать вскрикнула и схватила её за край рукава.

— Не ходи туда, Рин! Если ты переступишь порог, ты больше не сможешь вернуться к той жизни, которую мы тебе построили. Ты станешь... тем, чем должна быть.

Рин посмотрела на мать. Впервые она увидела не просто женщину, которая её вырастила, а человека, который все эти годы жил в постоянном страхе за неё. — Мама, — мягко сказала Рин, освобождая руку. — Ты ведь сама говорила: я не из этого мира. Разве можно всю жизнь прятаться в доме, который стал для меня клеткой? Я не хочу, чтобы вы страдали из-за меня. Если я выйду, они уйдут за мной?

Такеси обернулся. Его лицо, изрезанное морщинами, казалось маской, высеченной из камня. — Если ты выйдешь, они перестанут охотиться на наш дом. Но они начнут охотиться на тебя. Ты понимаешь разницу?

Рин кивнула. Она не чувствовала страха — только странную, пугающую ясность. Как будто она всю жизнь смотрела на мир через мутное стекло, а теперь его протерли. Она знала, что за порогом её ждет не смерть, а возвращение к чему-то, что было забыто.

Она толкнула дверь. Ночной воздух ворвался в дом, принес с собой запах озона, хвои и чего-то древнего, похожего на пыль далеких звезд. Деревня Ивовой Тени выглядела иначе: дома казались картонными декорациями, а звезды над головой — непривычно яркими и огромными.

На краю поляны, там, где заканчивался сад, стояли трое. Они были похожи на того странника, но их фигуры казались более четкими, сотканными из холодного лунного света. Они не двигались, просто ждали. Рин сделала первый шаг по траве. Под её босыми ногами земля на мгновение вспыхнула искрами, словно она ступала не по почве, а по углям.

— Кто вы? — спросила она, и её голос прозвучал в ночи как звон колокола, чистый и властный.

Один из них, самый высокий, сделал шаг вперед. Его лицо было скрыто глубоким капюшоном, но Рин почувствовала, как её имя — не то, что дали ей родители, а другое, забытое — эхом отозвалось в её сознании.

— Мы — те, кто пришел забрать то, что было потеряно, — ответил он, и звук его голоса напоминал шелест сухих листьев. — Твой дом здесь, Рин. Но твоя жизнь — там, где рождаются тени.

Рин обернулась на мгновение. В дверях дома стояли её родители, маленькие, испуганные, бесконечно дорогие. Она поняла, что этот шаг — точка невозврата. Она сделала его, чувствуя,

как внутри неё разворачивается нечто огромное, как крылья птицы, расправляющиеся после долгого заточения.

Глава 7

Тропа между мирами

Рин сделала шаг, и мир, который она знала — с его запахом сушеных трав, теплом очага и привычным скрипом половиц — мгновенно отдалился, будто она смотрела на него через перевернутый подзорный кусок стекла. Деревня Ивовая Тень превратилась в крошечный, тусклый островок света в бескрайнем океане ночи.

Трое незнакомцев не нападали. Они ждали, пока она сама выйдет за пределы защитного круга, который, как она теперь поняла, все эти годы очерчивали её родители. Как только её нога коснулась земли за границей сада, воздух вокруг загустел. Пространство начало искажаться: деревья вытягивались, становясь похожими на черные шпиль, а тропинка, ведущая в лес, превратилась в извилистую полосу серебристого тумана.

— Ты идешь добровольно? — спросил тот, что стоял впереди. Его голос звучал не снаружи, а прямо в её голове.

Рин посмотрела на свои руки. Золотистое свечение под кожей стало ярче, оно пульсировало в такт её дыханию. Она вспомнила испуганное лицо матери и тяжелый взгляд отца. Если она останется, они погибнут. Если она уйдет, у них есть шанс дожить свои дни в тишине.

— Я иду, — ответила Рин. — Но я хочу знать, куда.

— Туда, где память о тебе еще жива, — ответил странник. Он протянул ей руку. Его пальцы были длинными, бледными, почти прозрачными. — Ты была рождена не из плоти, а из искры. И эта искра должна вернуться в свой очаг.

Рин не взяла его за руку. Она сделала шаг вперед, и в ту же секунду реальность вокруг них треснула. Лес Ивовой Тени исчез. Вместо него возникло пространство, которое невозможно было описать словами: бесконечное поле, усеянное светящимися цветами, которые при каждом её шаге меняли цвет. Небо здесь было не черным, а глубоким, переливающимся фиолетовым, с двумя лунами, висющими так низко, что казалось, до них можно дотянуться рукой.

Она обернулась. Позади больше не было дома. Только тонкая, едва заметная нить света, уходящая в пустоту — единственная связь с её прошлой жизнью.

— Твои родители были хорошими хранителями, — заметил один из спутников, идя рядом с ней. — Они оберегали тебя от правды, но не смогли уберечь от твоей сути. Ты чувствуешь это, не так ли? Как мир вокруг начинает подчиняться твоему присутствию?

Рин прислушалась к себе. Она чувствовала, как земля под ногами откликается на каждый её шаг: там, где она проходила, увядшие цветы расцветали, а холодный ветер становился теплым дыханием. Она больше не была просто «дочерью травника». Она была чем-то гораздо большим, чем-то, что само по себе меняло законы природы.

— Куда мы идем? — снова спросила она, стараясь сохранить остатки человеческого хладнокровия.

— К Забытому Престолу, — ответил странник. — Там тебя ждет тот, кто ждет тебя с момента твоего падения. Ты — ключ, Рин. И пришло время открыть дверь, которая была заперта тысячи лет.

Рин шла вперед по серебристой тропе, чувствуя, как с каждым шагом воспоминания о доме — вкус похлебки, запах полыни, тепло отцовской ладони — превращаются в далекие, почти нереальные сны. Она знала, что пути назад нет.

Впереди, на горизонте, показались очертания чего-то огромного — не здания, а живого существа, сплетенного из света и теней, которое возвышалось над миром, как страж.

Глава 8

Пробуждение эха

Путь к Забытому Престолу не измерялся шагами или временем. Рин казалось, что она движется сквозь слои памяти, где каждый вдох наполняет её не воздухом, а чужими воспоминаниями. Она видела вспышки битв, происходивших задолго до её рождения, слышала шепот звезд и чувствовал пульсацию самой ткани мироздания.

Спутники хранили молчание, словно ожидая, когда она сама начнет задавать правильные вопросы. Рин остановилась перед широким провалом в пространстве — разломом, за которым клубилась густая, почти осязаемая тьма.

— Здесь заканчивается твой путь как человека, — сказал странник, указывая на бездну. — Чтобы пройти дальше, ты должна отпустить то, что держит тебя в прошлом. Твои страхи, твою привязанность к тем, кто тебя вырастил, твои сомнения. Если ты принесешь их с собой, они станут твоими палачами.

Рин посмотрела вниз. В глубине разлома она увидела не пустоту, а зеркальное отражение своей жизни. Она видела себя маленькой, играющей с деревянными куклами; видела, как мать заплетает ей косы; видела отца, который учил её отличать ядовитые травы от целебных. Это было так реально, что она почти почувствовала запах домашнего хлеба.

— Это не просто воспоминания, — прошептала она, чувствуя, как внутри неё начинает разгораться та самая золотистая энергия. — Это якоря. Вы хотите, чтобы я их обрезала?

— Мы хотим, чтобы ты поняла: ты не была «найдена» в лесу, — ответил странник, и на мгновение его капюшон соскользнул, открыв лицо, лишенное черт — лишь бесконечное звездное небо вместо кожи. — Ты была «высажена». Твои родители не спасли тебя, они были твоими садовниками. Они оберегали росток, пока он не набрал достаточно силы, чтобы пробить почву реальности.

Рин закрыла глаза. Внутри неё поднялась волна — не страха, а осознания. Она поняла, что её «человеческая» жизнь была лишь коконом. Она не предавала родителей, она просто завершала свой цикл.

Она сделала глубокий вдох и, вместо того чтобы отбросить воспоминания, она «впитала» их. Она позволила теплу отцовской ладони и нежности материнского голоса стать частью её новой, огромной силы. Она не стала отказываться от прошлого — она сделала его своим фундаментом.

Когда она открыла глаза, разлом перед ней перестал быть бездной. Он превратился в мост из чистого света. Рин шагнула вперед, и её ноги не коснулись тверди — она поплыла, окутанная золотым сиянием.

В тот момент, когда она оказалась на другой стороне, пространство вокруг взорвалось звуками: тысячи голосов, тысячи шепотов, тысячи имен, которые когда-то принадлежали ей в иных воплощениях, хлынули в её сознание. Она не потеряла себя. Напротив, она стала целой.

Она стояла перед Забытым Престолом — огромным троном из переплетенных корней древнего дерева, которое росло корнями вверх, в небо. На троне сидела фигура, чье присутствие заставляло саму реальность вибрировать.

— Ты пришла, — пронеслось в её голове, и этот голос был её собственным, только звучал он как эхо тысячи лет. — Ты пришла, чтобы забрать то, что принадлежит тебе по праву рождения.

Рин подняла руку. На её плече рисунок вспыхнул ослепительным светом, и из её ладони вырвался поток энергии, который начал сплетать вокруг неё доспехи — не из железа, а из самой сути света и тени.

— Я пришла не за властью, — ответила Рин, и её голос прогремел над миром, заставляя тени расступиться. — Я пришла за ответом. Почему я должна была стать ключом?

Фигура на троне медленно поднялась, и Рин увидела, что это — она сама, только старше, мудрее и бесконечно печальнее.

— Потому что, Рин, — ответила она, — дверь, которую ты должна открыть, ведет не в другой мир. Она ведет обратно, к началу всего. И ты — единственная, кто может решить, стоит ли этот мир того, чтобы его пересоздать.

Глава 9

Весы бытия

Перед Рин стояла она сама — или то, чем она могла бы стать, если бы прожила тысячу жизней, не прячась в тени человеческого дома. Эта версия Рин выглядела как ожившее созвездие: её одежда струилась, словно Млечный Путь, а в глазах отражались рождение и гибель целых миров.

— Пересоздать? — переспросила Рин, чувствуя, как её собственная сила, еще не до конца осознанная, откликается на присутствие этой сущности. — Ты хочешь сказать, что всё, что я знала — деревня, родители, эти леса — лишь черновик? Ошибка, которую нужно исправить?

Сущность на троне медленно опустилась обратно, её движения были плавными, как течение времени. — Ошибка — это слово, которое используют смертные, чтобы оправдать свою конечность, — ответила она. — Мир, в котором ты выросла, был создан как убежище. Но он истощается. Посмотри вокруг.

Рин обернулась. Там, где раньше она видела светящиеся цветы и фиолетовое небо, теперь проступали трещины. Сквозь них просачивалась серость — пустота, которая пожирала всё, к чему прикасалась. Она видела, как исчезают очертания ландшафта, как рассыпаются в прах воспоминания, которые она только что впитала.

— Твои родители не просто оберегали тебя, — продолжила сущность. — Они были хранителями последнего узла реальности. Пока ты была там, в безопасности, этот мир держался. Но теперь, когда ты пробудилась, ты забрала всю энергию, которая поддерживала их быт. Твой уход стал началом конца.

Рин похолодела. — Ты хочешь сказать, что моё возвращение к себе убивает их? Убивает всё, что я любила?

— Выбор всегда был прост, Рин, — голос сущности стал тише, но в нём слышалась неумолимая тяжесть. — Ты можешь закрыть дверь. Ты можешь вернуться в дом, забыть всё, что видела, и снова стать смертной девочкой, чья жизнь будет коротка и полна страха. Тогда мир просуществует еще немного, цепляясь за твою человеческую оболочку. Или ты можешь открыть дверь до конца и переписать законы этого мира, став его творцом. Но тогда те, кто был твоими родителями, станут лишь воспоминанием в твоей памяти. Ты не сможешь сохранить и их, и свою истинную суть.

Рин сжала кулаки. На её плече узор пульсировал в такт её бешеному сердцу. Она видела перед собой две дороги: одну — серую, ведущую в уютный, но обреченный дом, и вторую — ослепительную, ведущую в одиночество божества.

— Ты предлагаешь мне выбор между предательством себя и предательством тех, кто отдал мне свою жизнь? — голос Рин дрожал, но в нём прорезалась ярость. — Это не выбор. Это ловушка.

Она сделала шаг к трону. Золотистое сияние вокруг неё начало менять цвет, становясь глубоким, как предрассветная синева. Рин поняла: она не хочет ни возвращаться в кокон, ни становиться холодным творцом.

— Есть третий путь, — сказала она, глядя прямо в глаза своему отражению. — Если я — ключ, то я сама решу, что именно я открываю. Я не буду пересоздавать мир по вашим лекалам. Я впущу в этот мир то, что вы так старательно пытались отсечь: саму жизнь, которая не нуждается в хранителях.

Она подняла руку, и пространство вокруг трона начало содрогаться. Рин не стала касаться сущности — она коснулась самой ткани реальности, которая была натянута между ними, как струна.

— Я не стану выбирать между прошлым и будущим, — прошептала Рин. — Я соединю их.

Глава 10

Симфония разрыва

Когда Рин коснулась «струны» реальности, мир не просто вздрогнул — он запел. Это был звук, от которого закладывало уши, пронзительный и чистый, как звон разбивающегося хрустала. Золотистое сияние, исходившее от неё, хлынуло во все стороны, проникая в каждую трещину, в каждую серую пустоту, которую она видела мгновение назад.

Сущность на троне — её «будущее я» — впервые изменилась в лице. В её глазах промелькнуло нечто, похожее на изумление. — Ты безумна, — прошептала она, и её голос начал терять свою монолитность, распадаясь на тысячи голосов. — Ты пытаешься сшить несовместимое. Смертное и вечное не могут сосуществовать в одном сосуде без того, чтобы не разрушить его.

— Значит, я буду первым сосудом, который выдержит это давление, — ответила Рин. Её голос больше не принадлежал только ей — в нём слышался шелест листвы Ивовой Тени, треск очага и гул далеких звезд.

Она не просто тянула за нить — она вплетала свои воспоминания о родителях в самую структуру мироздания. Она брала тепло отцовской любви и превращала его в энергию, которая скрепляла распадающиеся края реальности. Она брала нежность материнских рук и делала её защитным барьером против пустоты.

Пространство вокруг начало меняться. Забытый Престол, стоявший в пустоте, вдруг пустил корни — настоящие, живые, пробивающие самую ткань «иного мира». В воздухе запахло мокрой землей, полынью и озоном. Деревня Ивовая Тень, которая казалась далеким воспоминанием, начала проступать сквозь туман, накладываясь на призрачные ландшафты Забытого Престола.

Рин чувствовала, как её тело горит. Это была не боль — это была трансформация. Её кожа, её кровь, её мысли — всё становилось частью этого нового, гибридного мира. Она больше не была «ключом», который открывает дверь. Она сама стала дверью.

— Ты не понимаешь, что делаешь! — закричала сущность, чья фигура начала стремительно бледнеть, растворяясь в ярком свете, который порождала Рин. — Если ты соединишь их, границы исчезнут! Люди увидят богов, а боги — людей. Хаос поглотит всё!

— Хаос — это просто порядок, который вы еще не научились понимать, — отрезала Рин.

Она сделала последний рывок, вкладывая всю свою волю в финальный аккорд. Раздался оглушительный взрыв цвета — мир ослепил её, а затем наступила тишина.

Когда свет начал меркнуть, Рин обнаружила, что стоит не на Престоле и не в своей комнате. Она стояла на краю поляны, где закончился её путь из дома. Но теперь поляна была другой. Деревья вокруг были покрыты золотистыми прожилками, а небо над головой переливалось всеми цветами, которые она видела в ином мире.

Она обернулась. Дом стоял на месте, но он больше не был «клеткой». Стены его стали полупрозрачными, словно они теперь принадлежали обоим мирам сразу. Рин видела, как отец и мать вышли на крыльцо, глядя на неё не со страхом, а с каким-то благоговейным ужасом и узнаванием.

Она посмотрела на свои руки. На ладонях больше не было рисунка — он впитался в кожу, став частью её существа. Она знала, что сделала. Она не спасла старый мир и не уничтожила его. Она создала нечто третье — место, где грань между человеком и легендой была стерта навсегда.

Но в этой тишине она почувствовала нечто новое: чей-то пристальный взгляд из самой глубины леса, который теперь стал частью её сада. Кто-то наблюдал за тем, как она справилась с выбором.